

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КНИГИ МАЙКЛА КОННЕЛЛИ

В СЕРИИ «ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА»

Расследует Гарри Босх

Черное эхо

Черный лед

Блондинка в бетоне

Последний койот

Переступить черту

Другая сторона прощания

Расследует Микки Холлер

«Линкольн» для адвоката

Пуля для адвоката

Ловушка для адвоката

Расследует Джек Макэвой

Поэт, или Охота на призрака

Расследует Рене Бэллард

Последнее шоу

МАЙКЛ
КОННЕЛЛИ

Последний
КОИОТ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

ГЛАВА 1

— Ну, есть у вас какие-нибудь соображения?

— Какие соображения?

— Да какие угодно. По поводу инцидента.

— По поводу инцидента? Да, кое-какие имеются.

Она ждала продолжения, но он молчал. Он еще до того, как доехал до Чайна-тауна, решил, что все будет на его условиях. Пусть вытягивает из него каждое слово.

— Вы не могли бы поделиться ими со мной, детектив Босх? — спросила она наконец. — Ведь мы с вами тут ради этого и...

— Я считаю, что все это бред. Абсолютный бред. Вот ради чего мы тут.

— Стоп, погодите. В каком смысле бред?

— Ну, то есть да, я толкнул этого придурка. Наверное, даже ударил. Я не помню точно, как именно все было, но я же ничего не отрицаю. Ну, ладно, отстраните меня на время, переведите в другой отдел, вызовите на дисциплинарную комиссию, что угодно. Но вот это все устраивать — бред. Этот принудительный отпуск — бред. Почему я должен трижды в неделю таскаться к вам на эти разговоры, как будто какой-то... Вы же меня вообще не знаете, вы ни малейшего представления обо мне не имеете. Почему я должен с вами разговаривать? Зачем мне ваш допуск?

— Ну, технически ответ находится в вашем собственном заявлении. Вместо того чтобы наказывать вас, руко-

водство хочет, чтобы вы прошли терапию. Вас отправили в принудительный отпуск, что означает...

— Я знаю, что это означает, и это и есть бред. Кто-то по велению своей левой пятки решает, что я нахожусь в состоянии стресса, и это дает руководству право отстранить меня от работы на неопределенное время, ну или по крайней мере до тех пор, пока я тут достаточно перед вами не поунижаюсь.

— Ничья левая пятка тут ни при чем. Решение руководства было обусловлено вашими действиями, которые, на мой взгляд, недвусмысленно свидетельствуют о том, что...

— То, что произошло, было никак не связано со стрессом. Это было связано с... а, не важно. Я уже сказал, что это бред. Давайте не будем разводить туры на колесах и перейдем сразу к сути. Что я должен сделать, чтобы вернуться к работе?

Ее глаза гневно сверкнули. Полное пренебрежение с его стороны к ее науке и квалификации задело ее за живое. Гнев ее, впрочем, быстро улегся. Постоянно имея дело с полицейскими, она наверняка должна была к такому привыкнуть.

— Неужели вы не понимаете, что все это ради вашего же собственного блага? Я полагаю, ваше руководство считает вас ценным активом, в противном случае вы бы здесь не оказались. Вас попросту уволили бы по дисциплинарной статье. А они делают все возможное для того, чтобы спасти вашу карьеру и ее текущую ценность для отдела.

— Ценным активом? Я полицейский, а не актив. И когда ты на улице, никто не думает ни о какой текущей ценности. Что это, кстати, вообще такое? Мне что, постоянно придется выслушивать подобное словоблудие?

Она откашлялась, потом строгим тоном произнесла:

— У вас есть проблема, детектив Босх. И она гораздо масштабнее, нежели тот инцидент, в результате которого вас отправили в вынужденный отпуск. Это именно то, чему будут целиком и полностью посвящены наши сессии. Вы понимаете? Это не единичный инцидент. У вас уже и раньше были проблемы. Что я сейчас пытаюсь сделать — без этого я не смогу подписать вам допуск к исполнению ваших обязанностей в любом качестве, — это вынудить вас заглянуть внутрь самого себя. Что вы делаете? Какие цели преследуете? Почему с вами происходят все эти события? Я хочу, чтобы наши с вами сессии представляли собой открытый диалог, когда я задаю вопросы, а вы высказываете свои мысли, но с определенной целью. И цель эта заключается не в том, чтобы нападать на меня и мою профессию или на руководство вашего отдела, а в том, чтобы поговорить о вас. В фокусе тут только вы, и никто иной.

Гарри Босх молча смотрел на нее. Ему страшно хотелось курить, но он был совершенно не готов просить у нее разрешения. Не хватало только признаться ей в своем пристрастии. Еще, чего доброго, заведет шарманку про оральную фиксацию и никотиновые костыли. Он сделал глубокий вдох и принялся разглядывать женщину за столом напротив него. Кармен Инохос была миниатюрной брюнеткой с дружелюбным лицом и манерой держаться. Босх понимал, что она неплохой человек. Он даже слышал про нее хвалебные отзывы от тех, кого отправляли в Чайна-таун. Она просто делала свою работу, а его гнев на самом деле был направлен не на нее. И у нее, скорее всего, хватало ума тоже это понимать.

— Послушайте, я должна попросить у вас прощения, — произнесла она. — Мне не следовало начинать наш разговор с открытого вопроса. Я понимаю, что для вас все это нелегко. Давайте попробуем начать сначала. Да, кстати, можете курить, если вам так хочется.

— Это тоже было в моем досье?

— В досье этого не было. Но тут никакого досье не нужно. Вы постоянно подносите руку ко рту. А вы не пробовали бросить?

— Нет. Но в государственных учреждениях курить запрещено. Вы же знаете правила.

Отговорка была неубедительная. Он сам ежедневно нарушал этот закон, куря в помещениях полицейского участка.

— Здесь это правило не действует. Я не хочу, чтобы вы считали этот кабинет частью Паркер-центра или государственным учреждением. Это главная причина, по которой наш офис вынесен за их пределы. Здесь эти правила не действуют.

— Не важно, где мы находимся. Вы все равно работаете на УПЛА.

— Постарайтесь думать, что вы сейчас вдалеке от Управления полиции Лос-Анджелеса. Когда вы здесь, старайтесь представлять, что приходите повидаться с другом. Поговорить. Здесь вы можете говорить что угодно.

Босх знал, что ее нельзя считать другом. Ни за что. Слишком многое стояло на кону. И тем не менее он коротко кивнул, чтобы сделать ей приятное.

— Не очень-то убедительно.

Он дернул плечами, как будто говоря, что это максимум, на который он способен, и это так и было.

— Кстати, если хотите, я могла бы избавить вас от никотиновой зависимости при помощи гипноза.

— Если бы я хотел бросить, я бросил бы. Люди делятся на курильщиков и нет. Я курильщик.

— Да. Это, пожалуй, самый характерный симптом личности, склонной к саморазрушению.

— Простите, меня отправили в отпуск, потому что я курю? Из-за этого весь сыр-бор?

— Я думаю, вы прекрасно понимаете, из-за чего он.

Он не стал ничего отвечать, придерживаясь своего решения говорить как можно меньше.

— Что ж, тогда давайте продолжим, — произнесла она. — Вы находитесь в отпуске уже... так, во вторник будет неделя?

— Угу.

— И чем вы все это время занимались?

— Главным образом заполнял разнообразные бумажки на дом.

— На дом?

— Мой дом пострадал во время землетрясения. Правительственная комиссия признала его непригодным для проживания.

— Но землетрясение было три месяца назад. Что же вы так затянули?

— Мне было некогда. Я работал.

— Ясно. У вас хоть страховка была?

— Что вам ясно? Ничего вам не ясно. Вы никогда не сможете взглянуть на вещи моими глазами. Нет, страховки не было. Как и почти все остальные, я жил в отрицании. Так это называется на вашем птичьем языке, да? У вас-то наверняка страховка была.

— Была. Сильно ваш дом пострадал?

— Это как посмотреть. Инспекторы говорят, его теперь только под снос, даже внутрь заходить нельзя. А я считаю, что все нормально, нужно только кое-что подремонтировать. Меня в строительном магазине уже в лицо узнают. Я нанял бригаду. Они скоро все закончат, и тогда я буду оспаривать решение комиссии. У меня уже есть адвокат.

— И вы сейчас так там и живете?

Он молча кивнул.

— Вот это совершенно определенно отрицание, детектив Босх. Не думаю, что вы поступаете разумно.

— А я не думаю, что вас хоть как-то касается то, что я делаю в свободное от работы время.

Она вскинула руки, признавая его правоту:

— Что ж, хотя я этого и не одобряю, наверное, тут можно найти и свои положительные стороны. Хорошо, что у вас есть дело, которым вы можете заняться. Хотя я лично предпочла бы, чтобы это был какой-то спорт, хобби или, возможно, планы куда-то выехать из города. Думаю, вам сейчас очень важно чем-то себя занимать, чтобы не думать об инциденте.

Босх ухмыльнулся.

— Что такое?

— Даже не знаю. Все почему-то упорно называют то, что произошло, «инцидентом». Сразу вспоминается Вьетнамская война, которую предпочитали именовать конфликтом, а не войной.

— Ну, хорошо, а вы сами как назвали бы то, что произошло?

— Не знаю. Но инцидент... это звучит как-то... не знаю. Безлико. Слушайте, доктор, давайте вернемся немного назад. Я не хочу никуда уезжать из города. Я ловлю убийц. Это моя работа. И мне очень хотелось бы к ней вернуться. Думаю, я могу принести еще кое-какую пользу обществу.

— Если руководство вам позволит.

— Если вы дадите мне допуск. Вы же знаете, что это будет зависеть от вас.

— Возможно. Вы никогда не обращали внимания на то, что говорите о своей работе как о некой миссии?

— Ну, примерно так оно и есть. Это ж практически святой Грааль.

Он произнес это с сарказмом в голосе. Терпеть это становилось уже совершенно невозможно, а ведь это была всего лишь первая сессия.

— В самом деле? Вы действительно считаете, что ваша миссия — раскрывать убийства, сажать преступников в тюрьму?

Он снова дернул плечом — в знак того, что не знает. Потом поднялся и, подойдя к окну, устремил взгляд на Хилл-стрит. По тротуарам спешили толпы пешеходов. Каждый раз, когда он оказывался в этом квартале, на улицах были толпы. Он обратил внимание на двух женщин европейского вида. В море азиатских лиц они выделялись, как изюминки в рисе. Женщины поравнялись с витриной китайской мясной лавки, и Босх разглядел за стеклом рядок подвешенных за шеи копченых утиных тушек.

Дальше по улице виднелся переброшенный через Голливудское шоссе виадук, темные окна старой тюрьмы и здание Уголовного суда. Слева серела громада городской администрации. Верхние этажи были затянуты черным строительным брезентом. Выглядело это как знак траура, но Босх знал, что брезент призван предотвратить падение строительного мусора во время восстановительных работ после землетрясения. За зданием городской администрации виднелась Стекляшка. Паркер-центр, штаб-квартира Управления полиции Лос-Анджелеса.

— Расскажите мне, в чем заключается ваша миссия, — негромко произнесла у него за спиной Инохос. — Я хотела бы, чтобы вы это сформулировали.

Он снова сел и попытался облечь свои мысли в слова, но в конце концов лишь покачал головой.

— Я не могу.

— Ну, я хочу, чтобы вы об этом подумали. Ваша миссия. В чем именно она заключается? Подумайте об этом.

— Доктор, а ваша миссия в чем заключается?

— Это сейчас не имеет для нас никакого значения.

— Разумеется, имеет.

— Послушайте, детектив, это единственный личный вопрос, на который я вам отвечу. Мы здесь не ради того, чтобы разговаривать обо мне. Мы здесь ради того, чтобы разговаривать о вас. Моя миссия, в моем понимании, заключается в том, чтобы помогать мужчинам и женщи-

нам, работающим в отделе. Это если в узком смысле. А если в более широком — занимаясь этим, я помогаю обществу, я помогаю всем, кто живет в этом городе. Чем лучше полицейским, которые патрулируют наши улицы, тем лучше нам всем. Тем в большей безопасности мы все находимся. Устроит вас такой ответ?

— Сойдет. Применительно к моей миссии, вы хотите, чтобы я уложил свой ответ в пару подобных предложений и отрететировал их, чтобы от зубов отскакивало?

— Мистер... э-э-э... детектив Босх, если вы намерены и дальше ерничать и огрызаться, мы с вами далеко не уедем, а это означает, что вы в ближайшее время не сможете вернуться к работе. Это именно то, чего вы пытаетесь добиться?

Босх вскинул ладони, признавая поражение. Она уткнулась в свой желтый блокнот, и он получил возможность разглядеть ее повнимательнее. У Кармен Инохос были маленькие смуглые руки, которые она положила перед собой на стол. Никаких колец. В правой руке она держала дорогую на вид ручку. Босх всегда считал, что дорогие ручки — удел людей, чрезмерно озабоченных впечатлением, которое они производят на окружающих. Но, возможно, в случае с Инохос это было не так. Ее темно-каштановые волосы были забраны в хвост на затылке. На переносице — очки в тонкой черепаховой оправе. Ей следовало бы в детстве выпрямить зубы, но они так и остались кривоватыми. Она подняла глаза и встретилась с ним взглядом.

— По моим сведениям, этот инци... эта ситуация совпала по времени или произошла вскоре после того, как у вас случился разрыв романтических отношений.

— И откуда у вас эти сведения?

— Из материалов досье, которое мне предоставили. Источники этих материалов не имеют значения.

— Нет, еще как имеют, потому что ваши источники никуда не годятся. Это не имеет никакого отношения к тому, что случилось. Разрыв, как вы его называете, произошел почти три месяца тому назад.

— Боль от таких событий может длиться куда дольше. Я понимаю, что это личное и что вам может быть тяжело об этом говорить, но, думаю, поговорить следует. Это даст мне возможность сделать выводы о вашем эмоциональном состоянии в момент нападения. Вам это будет сложно?

Босх взмахнул рукой.

— Как долго вы состояли в этих отношениях?

— Около года.

— Официально?

— Нет.

— А речь о том, чтобы их узаконить, заходила?

— Нет, в открытую — никогда.

— Вы жили вместе?

— Время от времени. У каждого из нас было свое жилье.

— Вы расстались окончательно?

— Думаю, да.

Кажется, произнеся эти слова сейчас вслух, Босх впервые признал, что Сильвия Мур исчезла из его жизни навсегда.

— Расставание произошло по взаимному согласию?

Босх кашлянул, прочищая горло. Говорить на эту тему ему не хотелось, но нужно было покончить с этим.

— Наверное, можно сказать, что по взаимному, но узнал я об этом только после того, как она собрала вещи. Три месяца назад мы с ней обнимали друг друга в постели, когда дом ходуном ходил во время землетрясения. Можно сказать, что она ушла еще до того, как закончились остаточные толчки.

— Они до сих пор не закончились.

— Это просто фигура речи.

— Вы хотите сказать, что причиной разрыва ваших отношений стало землетрясение?

— Нет, я такого не говорил. Я сказал, что это произошло в одно и то же время. Вернее, сразу после. Она работала учительницей в школе в Вэлли, и ее школа оказалась разрушена. Учеников перевели в другие учебные заведения, и так много учителей стало не нужно. Им предложили взять отпуск на год, и она согласилась. И уехала из города.

— Из страха перед новым землетрясением или из страха перед вами? — Она в упор посмотрела на него.

— С чего бы ей было испытывать передо мной страх?

Он отдавал себе отчет в том, что тон у него несколько оборонительный.

— Не знаю. Я просто задаю вопросы. Вы давали ей какие-то основания вас бояться?

Босх замаялся. Это был вопрос, которого он в своих сокровенных мыслях об их разрыве с Сильвией никогда не касался.

— Если вы имеете в виду в физическом отношении, то нет, она не испытывала передо мной страха, и я не давал ей к этому никаких оснований.

Инохос кивнула и что-то записала в своем блокноте. Босха беспокоило, что она собралась делать записи.

— Послушайте, это не имеет никакого отношения к тому, что случилось в участке на прошлой неделе.

— Почему она ушла? Что было настоящей причиной?

Босх отвел взгляд. Его переполняла злость. Так оно дальше и будет. Она будет задавать ему любые вопросы, какие взбредут ей в голову. Лезть к нему в душу при каждой возможности.

— Я не знаю.

— Нет, так не пойдет. Я думаю, вы знаете или, по крайней мере, предполагаете, почему она решила уйти. Вы должны это знать.

- Она выяснила, кто я такой.
- Она выяснила, кто вы такой? И что это означает?
- Это у нее надо спрашивать. Это же она так сказала. Только она сейчас в Венеции. В той, что в Италии.
- Ну, тогда, по вашему мнению, что она имела в виду?
- Мое мнение не имеет никакого значения. Она же это сказала, и она от меня ушла.
- Не кипятитесь, детектив Босх. Пожалуйста. Мое самое горячее желание — это чтобы вы вернулись к работе. Как я уже сказала, это моя миссия. Вернуть вас в строй, если вы будете способны вернуться. Но вы такой сложный человек, что это все усложняет.
- Может, это и есть то, что она выяснила. Что я сложный человек.
- Сомневаюсь, что все так просто.
- А я иногда — нет.
- Она посмотрела на часы и наклонилась вперед, явно недовольная тем, как проходит сессия.
- Ладно, детектив, я вижу, что вам тяжело об этом говорить. Оставим пока эту тему, но я подозреваю, что в будущем нам все равно придется к ней вернуться. Я хочу, чтобы вы над ней поразмыслили. Попытались облечь свои чувства в слова.
- Инохос умолкла, ожидая от него какого-то ответа, но он ничего не сказал.
- Давайте попробуем еще раз поговорить о том, что произошло на прошлой неделе. Насколько я понимаю, это имеет отношение к делу об убийстве проститутки, которое вы расследовали.
- Да.
- Оно было жестоким?
- Это вопрос определений. Смотря что под этим понимать.
- Ну, хорошо. Тогда так: в вашем понимании это было жестокое убийство?

— Да, жестокое. Убийство — это вообще жестокость. Когда человека убивают, это жестоко. По отношению к нему.

— И вы задержали подозреваемого?

— Да, мы вдвоем с напарником. Вернее, нет. Он добровольно согласился проехать с нами в участок, чтобы ответить на вопросы.

— Это убийство задело вас за живое сильнее, чем, скажем, другие подобные дела, которые вы расследовали?

— Возможно. Не знаю.

— А почему?

— Вы имеете в виду, с чего бы мне переживать из-за проститутки? Я и не переживал. Ну, то есть не больше, чем из-за любой другой жертвы. Впрочем, я в своей работе стараюсь придерживаться одного правила.

— И что же это за правило?

— Или все имеют значение, или никто не имеет.

— Поясните, пожалуйста.

— Что тут пояснять? Или все имеют значение, или никто не имеет. Точка. Это означает, что я буду абсолютно одинаково рвать задницу ради того, чтобы раскрыть убийство хоть проститутки, хоть жены мэра. Это мое правило.

— Я поняла. А теперь давайте поговорим об этом конкретном деле. Мне хотелось бы услышать от вас рассказ о том, что произошло после задержания, и о причинах, которыми мог быть обусловлен ваш срыв в участке.

— Наш разговор записывается?

— Нет, детектив, все, что вы мне говорите, защищено законом о врачебной тайне. По итогам наших сессий я просто выдам заместителю начальника отдела Ирвингу заключение. Никакие подробности наших сессий раскрыты не будут. Заключение, которое я даю, обычно уместается на половине листа и не содержит подробностей этих диалогов.